

³ См.: Стёпин В. С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска // Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981. С. 11, 21, 23.

⁴ См.: Стёпин В. С. Структура и эволюция теоретических знаний // Природа научного познания. Минск, 1973. С. 211.

⁵ См.: Сачков Ю. В. Стиль мышления и методы исследования // Диалектика в науках о природе и человеке. М., 1983. С. 230.

А. В. КУЗНЕЦОВ, Н. А. МАКСИМОВА

УРОКИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Переживаемый сегодня нашей страной период радикальных изменений во всех сферах общества с полным основанием называют революционным. Но всякая революция чревата не только возникновением новых перспектив для экономического и социального развития той или иной страны, но и неизбежными социальными и политическими потрясениями. Поэтому чтобы хотя бы смягчить, если не предотвратить, эти потрясения, необходимо помнить об исторических уроках подобных событий в других странах и при других обстоятельствах. И хотя известно, что единственный урок, который преподносит человечеству история, состоит в том, что оно никаких уроков из нее не извлекает, тем не менее поучительные уроки такого события всемирно-исторического значения, как Великая французская революция, необходимо учитывать социальным реформаторам и нашего времени.

В современной историографии Великой французской революции выделяются три точки зрения на ее роль в историческом процессе. Согласно первой из них, французскую революцию следует рассматривать как принципиально новую историческую ступень в эмансипации человечества. Мы называем революцию великими, когда их результатом является осуществление идеалов освобождения и развития человека, которые на протяжении столетий вырабатывала прогрессивная мысль. Хотя в ходе французской революции эти идеалы осуществились, но осуществились они в рамках буржуазных преобразований общества, которые их неизбежно исказили и трансформировали. Здесь мы подходим к другой точке зрения на французскую революцию как на переход от феодализма к капитализму. Признавая всемирную роль Великой французской революции, конкретный ход революционных событий и саму революцию в том ее виде, в каком она произошла, нельзя считать фатально неизбежными. Поэтому, согласно третьей точке зрения, французская революция — довольно случайное явление в историческом развитии Европы XVIII—XIX веков.

На первый взгляд, эти три точки зрения взаимно исключают друг друга. Но внимательный анализ революционных событий свидетельствует о том, что они дополняют и развивают друг друга, углубляя наше понимание Великой революции.

В самом деле, если бы не определенная и достаточно случайная раскладка событий, политических партий и конкретных исторических деятелей, которая сложилась в 1789—1794 годах и которая способствовала революционному взрыву, потрясшему всю Европу, едва ли французская революция смогла бы стать четкой гранью всевропейского перехода от одной формации к другой. В свою очередь, весьма сомнительно, чтобы революция оказалась величайшим прорывом в социальной и духовной эмансипации человечества без решительной ломки феодальных общественных отношений.

В связи с этим, когда речь заходит о так называемой «цене» революции (о которой стало модным рассуждать в настоящее время) применительно к событиям французской истории конца XVIII — начала XIX века, следует согласиться, что «цена» эта была достаточно велика. Тем не менее французская революция была всемирно-историческим событием, оценить которое можно прежде всего по ее результатам, социальным переворотам, вызванным ею во всем мире и предотвратившим, возможно, еще более разрушительные взрывы в других странах. Вот почему великую революцию необходимо оценивать не только по ошибкам и преступлениям ее непосредственных творцов и продолжателей, но прежде всего по тому, какие горизонты общественного развития она открывает. Страна, где произошла великая революция, является первооткрывателем неизвестного будущего и, как это ни прискорбно, своими трагическими ошибками предохраняет человечество от их повторения.

Среди историков получил распространение тезис о том, что французское Просвещение XVIII века является идейным источником революции. Не оспаривая истинности этого тезиса, следовало бы добавить, что революция не только претворила в реальность идеи Просвещения, но и оказалась самым строгим их экзаменатором. Революция заострила очень важную черту французского Просвещения: его критическую направленность против существующей социальной реальности. Если Просвещение было идейно-теоретическим отрицанием существующих общественных порядков, то революция была практическим отрицанием этих порядков.

Социальный идеал, воплощавший просветительскую мечту о справедливом и разумном общественном устройстве, о гармонии общества и личности, прямо противопоставлялся философами кричащим социальным противоречиям, несправедливости и неразумности старого порядка. Поэтому, когда революция свершилась, ее творцы, идейные наследники Просвещения, стремились коренным образом изменить и переделать и политические учреждения, и социальную структуру, и даже духовный облик нации, ее идеалы и важнейшие нравственные ценности. Но очень скоро выяснилось, что просветительская уверенность в силе разума не учитывала силы сопротивления социальных групп и классов, которые цепко держатся за старое и не хотят принимать многое из того, что предлагали им просвещенные революционеры. Давление революционеров на косные массы усиливается, но усиливается и сопротивление последних. И тогда революционеры прибегают к хорошо испытанному при старом порядке средству — насилию. Итак, победа Просвещения в революции обернулась его же идейным поражением. Стало очевидным, что, претворяясь в действительность, идеалы и принципы просветительской мысли порождают глубокие социальные противоречия, обнаруживая тем самым свою собственную антиномичность. Так, последовательное воплощение в жизнь принципа свободы при ограниченности социально-производственных ресурсов порождает прогрессирующее неравенство. А попытка в какой-то мере обеспечить равенство всех членов общества ведет к такому отрицанию свободы, по сравнению с которым даже старый порядок может показаться высшим торжеством прав личности. Космополитические, вселенские притязания просветительского разума превращаются в национализм и военные захваты «непросвещенных» стран, а всеобщее братство достигается только с помощью гильотины. Наконец, уже в ходе революции для многих проникательных наблюдателей стало очевидным, что сам просветительский разум, якобы воплощающий в себе надклассовый идеал социальной гармонии, является лишь идеологическим выражением определенных классовых интересов.

Причина всех этих социальных противоречий, которые возникли при воплощении просветительских идей в жизнь, заключается, на наш взгляд, в том, что будучи воинственно настроенной по отношению ко всему, что ее окружало (к политическим учреждениям, социальному устройству, принципам духовной жизни старого порядка), социальная философия французского Просвещения была на удивление догматичной и несамокритичной. Она совершенно игнорировала, и тем более не анализировала, социально-историческую обусловленность своих собственных идеалов, принципов и планов. Вот почему теоретически непроработанные и непроверенные на практике социально-политические концепции французского Просвещения при их практическом внедрении в социальную реальность превращаются в свою противоположность. Отсюда вытекает один из главных уроков французской революции: любой социальный идеал, любая социальная программа, какими бы они ни были привлекательными для широких масс населения, должны пройти строгую и жесткую критику со стороны теоретиков, должны быть подвергнуты практической проверке в ограниченном социальном эксперименте, прежде чем претендовать на реальное воплощение в социальную действительность.

Однако не только антиномичность самого просветительского идеала социального переустройства общества, но и то орудие, с помощью которого этот идеал пытались воплотить в реальность, способствовали краху просветительских иллюзий. Этим орудием было централизованное бюрократическое государство, унаследованное от королевского абсолютизма. В свое время оно выступило гарантом единства и независимости страны, а затем союзником горожан в борьбе с феодальной анархией. Абсолютистское государство на протяжении XVII—XVIII веков увеличивало свое могущество, подчиняя себе все силы французского общества. Естественно, что централизация государственного аппарата, образование стройной бюрократической си-

стемы привели к тому, что государство начало вмешиваться во все сферы жизни общества. Все это порождало иллюзии относительно того, что государственная власть всемогуща и ее можно использовать в благих целях. Вот почему в сознании подавляющего большинства просветителей, не исключая самых радикальных (Руссо, Мабли), сложился своеобразный культ государства, которое представлялось им тем архимедовым рычагом, с помощью которого можно перевернуть всю Францию. На первых этапах революции это преклонение перед всемогуществом государства сдерживалось страхом перед исполнительной властью в руках короля, общим подъемом демократического движения в стране, но с устранением короля пали и все опасения относительно концентрации и централизации власти. Этому весьма способствовала и война, объявленная жирондистами практически всей Европе. Придя к власти на волне народного и патриотического движения, якобинцы совершенствуют централизм государственной власти, прежде всего в интересах обороны. Но усиление централизма и бюрократии государственных органов приводит, во-первых, к ликвидации всех оппозиционных центров демократических движений, включая и дантонов и левых якобинцев и, во-вторых, способствует отстранению широких народных масс от политической деятельности. В сущности, якобинский террор, особенно в последний период пребывания у власти М. Робеспьера, расчищал дорогу для Наполеона. Ликвидировав всякую оппозицию, Наполеон окончательно противопоставил чудовищную машину государства отдельному индивиду. Урок французской революции заключается в том, что государство не может быть пассивным орудием проведения в жизнь демократических реформ. По своей сути оно является бюрократической машиной с иерархической системой управления. Поэтому ликвидация демократических ограничений этой машины (в виде разделения властей, существования оппозиционных ассоциаций и т. д.), какими бы благими целями это ни оправдывалось, в конечном счете приводит к режимам террористического и тоталитарного типа. Те же проекты демократического преобразования общества, которые революционеры-просветители хотели осуществить исключительно через силу и мощь государства (так сказать, с помощью дубины загнать грешников в рай), при воплощении в действительность порождали такие социальные явления, которые оказались прямым отрицанием этих проектов.

Никакая революция, а в особенности революция великая, которой по праву могут считаться события 1789—1794 годов во Франции, не может быть осуществлена без участия широких народных масс. Но народные массы, образ жизни и духовной деятельности которых формировался в условиях старого порядка, т. е. в условиях насилия, угнетения и чудовищной эксплуатации (когда человека из народа, собственно говоря, и не считали за полноценного человека), естественно, не могли ни адекватно воспринимать, ни адекватно воплощать гуманистические идеалы социальной философии французского Просвещения.

Более того, углубление и расширение революционных преобразований, вовлекших в революцию широкие народные массы, вызвало среди них нарастание настроений ожесточенной вражды к противникам революции, которые порой проявлялись в форме погромов, коллективных расправ и т. п. Следует сказать, что во многом о своем кровавом и страшном конце позаботились сами привилегированные сословия старого порядка, которые до революции относились к простому народу, как к податному быдлу, единственное предназначение которого они видели в обеспечении беззаботной жизни знати. Поэтому, когда репрессивные институты абсолютистского государства ослабли, в сознании народных масс на первый план вышли копившиеся в течение десятилетий угнетения и насилия чувства обиды, мщения, гнева, которые тяжелым топором обрушились на головы аристократов. Но, признавая, что у народа были известные основания для такого ожесточения, следует все же подчеркнуть, что незаконные преследования, коллективные убийства, проявление садизма, от кого бы они ни исходили, не только не приближают, а, наоборот, отдаляют революцию от ее конечных целей — построения справедливого гармоничного общества. Урок, который дала французская революция, заключается в следующем: любой революционный переворот изменяет обстоятельства, открывает перспективы социального развития, но не создает новых людей. Новый человек, человек более гуманной эпохи, начатой данной революцией, является результатом новых обстоятельств и формируется постепенно, через поколения. Вот почему уповать в ходе революции на гуманизм и справедливость народных масс, которые сформировались при старом режиме, в чудовищных условиях насилия

и репрессий, по меньшей мере наивно. Нельзя и оправдывать насилие над личностью, убийства и террор, ссылаясь на пресловутые волю и голос народа.

Кроме того, как показывает эпоха французской революции, революционная буря не только поднимает к активной творческой деятельности в области социальных отношений широкие массы народа, но и выбрасывает на поверхность такие социальные элементы, которые справедливо называются в народе «подонками». Эти жадные, жестокие и абсолютно беспринципные люди (вроде Фуше) в обстановке революционного обновления общества, когда ломаются многие нормы социальной жизни и морали и где порой вместе с грязной водой выплескивают и ребенка, способны причинить немало бед. К сожалению, недостаток политического опыта и элементарной теоретической подготовки широких слоев народа, впервые в процессе революции соприкоснувшегося с политической свободой и широкой гласностью, приводит к тому, что народными кумирами нередко становятся эти самые «подонки». Поэтому задача всякой подлинной революции, если она не хочет захлебнуться в крови и грязи, заключается в умении пресекать деятельность этих «подонков», разоблачать их демагогию и приспособленчество.

Таковы некоторые уроки, которые дает Великая французская революция.

Л. М. ГАРБАЦЕНКАВА

МАРАЛЬНАЕ ВЫХАВАННЕ СТУДЭНТАЎ: САЦЫЯЛАГІЧНЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ, ПРАБЛЕМЫ І ПОШУК РАШЭННЯЎ

(па матэрыялах навукова-практычнай канферэнцыі)

У верасні 1989 года у Белдзяржуніверсітэце імя У. І. Леніна адбылася міжвузаўская навукова-практычная канферэнцыя «Маральнае выхаванне студэнтаў ва ўмовах далейшай дасканаласці вышэйшай адукацыі». Матэрыялы канферэнцыі апублікаваны ў зборніку тэзісаў, у якім паказаны вынікі канкрэтна-сацыялагічных даследаванняў сацыёлагаў некалькіх вузаў рэспублікі і краіны, а таксама прапановаў шляхі рашэнняў пастаўленых праблем.

Пытанням маральнага выхавання студэнцкай моладзі ў наш час удзяляецца павышаная ўвага, паколькі маральнасць з'яўляецца якаснай характарыстыкай усяго сацыяльнага, а студэнцтва — асабліва катэгорыя нашага грамадства, прызначаная памножыць яго духоўны патэнцыял. Сацыёлагі вывучаюць шырокі спектр праблем маральнага выхавання: гэта маральна-палітычная, маральна-прававая, нацыянальная і эстэтычная культура студэнцкай моладзі, гуманізацыя і гуманітарызацыя адукацыі, прафесіянальна-грамадзянскае станаўленне асобы, яе самарэалізацыя, адаптацыя ў вытворчым калектыве; праблемы студэнцкай сям'і; вольнага часу моладзі; дэвіянтных паводзін асобы, пытанні эфектыўнасці ўздзеяння на моладзь СМПП.

Як падкрэсліў у сваім дакладзе прафесар С. Д. Лапцёнак (Белдзяржуніверсітэт), належны ўзровень маральнага выхавання ў студэнцкім калектыве забяспечваецца пры ўмовах, калі яно з'яўляецца комплексным і сістэматычным, звязваецца з патрэбнасцямі грамадства і асобы, праходзіць як у час вучобы, так і па-за яе, улічвае калектыўныя і індывідуальныя формы работы, накіравана на духоўнае ўзвышэнне асобы і рашучае непрыёмнае анцігуманных форм паводзін чалавека, г. зн. калі яно навукова абгрунтавана. Менавіта такім яно павінна быць ва ўмовах далейшай дасканаласці вышэйшай адукацыі ў краіне» (Лапцёнак С. Д. Маральнае выхаванне студэнтаў ва ўмовах далейшай дасканаласці вышэйшай адукацыі. С. 3).

Гады вучобы ў вучыццэ для моладзі перыядам фарміравання самай стойкай маральнай арыентацыі і інтэлектуальнага развіцця. Маральны патэнцыял асобы ў многім залежыць ад прафесіянальных і маральных якасцей студэнта — будучага інтэлігента, камандзіра вытворчасці, выхаванца. Маральнае выхаванне з найбольшай эфектыўнасцю ажыццяўляецца там, дзе студэнт адчувае сябе не пабочным назіральнікам, а актыўным удзельнікам працэсу, які адбываецца ў вучыццэ, бачачы ў сябе асобу, чалавека, з якім лічыцца і дэканат, і выкладчыкі, і прадстаўнікі грамадскіх арганізацый (Гібрадзе Р. А., Лаперашвілі В. А. Перабудова і праблема маральнага выхавання асобы студэнта. С. 9).